

Сорок лет — опасный возраст

Татьяна ТИХОНОВЕЦ

Пермскому ТЮЗу исполнилось сорок лет. Дата не такая уж крутая. По суверенным приметам ее и праздновать шумно не полагается. Возраст опасный. С другой стороны — впереди театральная реформа, и бог знает, как жизнь дальше повернется, поэтому пока силы есть — надо праздновать.

Пермский ТЮЗ открылся в 1964 году, когда в глубинке еще не начала подмерзать хрущевская оттепель. Открылся он по тем временам судьбоносной пьесой "Город на заре" Арбузова в постановке Г.Чодришвили, который и стал главным режиссером театра. Первые названия в репертуаре вполне классические по советским временам. "Ромео и Джульетта" и "Молодая гвардия". "Они и мы" Долиной и "В дороге" Розова соседствовали мирно и дружно. Располагался театр долгие годы в бывшем здании перельской тюрьмы, делая его с театром кукол. То есть мир театрального детства практически весь был сосредоточен в этом перестроенном для нужд искусства здании. Странно, не правда ли? Но то ли еще бывало в нашей советской жизни.

В начале восьмидесятых театр переехал в прекрасный старинный особняк, раньше его занимал театр драмы, и, кажется, само пространство волшебным образом подействовало на театр, облагородило вкус и подарило труппе новое дыхание.

Одним из старожиллов ТЮЗа был Семен Михайлович Либман, работавший в нем и главным режиссером, и сценаристом. Он когда-то и рассказывал мне, как играли по 600-700 спектаклей в год, как невозможно было остановить это беличье колесо, в котором мчались наперегонки пионеры и пионерки, снугерочки и деды морозы, царевны и царевичи вместе с представителями дикой и домашней фауны. По 66 спектаклей в месяц играли. Не успев повзрослеть, отскакав свое тюзоские трагедии уходили на заслуженный отдых. И

все-таки режиссеры, работавшие в раннее время в театре, пытались что-то изменить, как то повернуть колесо. Либман поставил Островского, Горького, Чехова, Михаил Кольцов — Вандилова, Кальдерона, Валерий Юнаш рискнул поставить "Бориса Годунова".

27 лет назад в ТЮЗ пришел главным режиссером Михаил Скоморохов. Он приехал из Мариинского "Буратино", тогда знаменитого театра кукол, уйдя от Виктора Шраймана вместе с группой артистов. Отголоски этой старой драмы изживали они уже в недавнее время, когда оба стали мудрее и добрее. К

тому времени за плечами человека с такой откровенно театральной фамилией было Свердловское театральное училище, потом Шуйкинское, Высшие режиссерские курсы у Гончарова. Пора было обзавестись своим театром. Что он и сделал, получив приглашение в Пермь. Это его единственный театр в жизни, и все свои звания, включая звание "народного артиста России", он заработал в этом театре. Поколение это пришло тянуть тяжкую ношу и постепенно сдвигать свои позиции, отдавая театру директоров, менеджеров. Не могу сказать, хорошо ли это. Актеры, представляющие собой просто идеальную модель русского народа, жаждут сильной руки строгого, но доброго монарха. Пермский ТЮЗ и представляет собою театральную монархию со всеми присущими этому строю хорошими и дурными сторонами. И справедливость — от него, отца родного, и несправедливость тоже от него. Демократии Скоморохов в театре не признает, что, впрочем, и правильно. Но зато признает свою полную ответственность за то, что в нем происходит. Таких в России осталось немного. Можно долго спорить об изживании статуса "художественного руководителя", но что-то я пока ничего лучшего не вижу. И уж особенно ничего хорошего не вижу в директорской модели театра.

Начал Скоморохов с Гоголя ("Ах, Невский!") и Достоевского ("Идиот") и сразу же продемонстрировал городу своего протагониста. Поприщина и князь Мышкин играл Владимир Шуньга, будущий народный артист России, любимый, культовый артист Перми. Потом он был Освальдом в "Привидениях", Паниковским в "Золотом теленке", Волтером в "Кандиде", Ричардом в "Ричарде III", Отцом в "Шестерых персонажах", Лапахимым в "Вишневом саде" словом артистом, играющим все. Репертуар театра в первые годы перестраивался решительно.

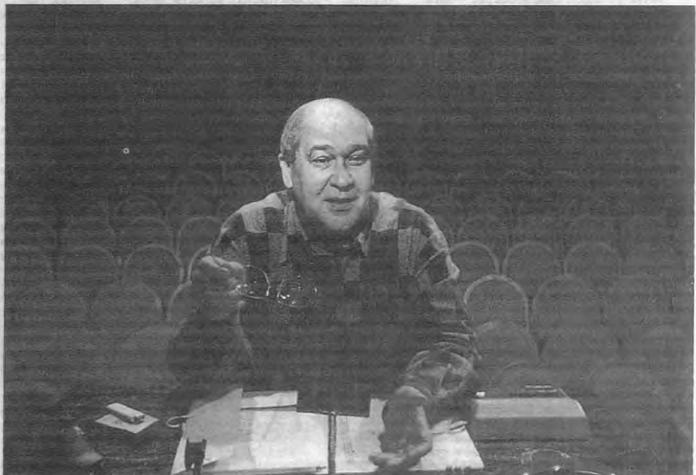
С бывшим главным — Семеном Либманом Скоморохов соритесь не стал, а постепенно втянул его в актерское дело. Либман в тяжелом для всех театров 1992 году признавал мне: "Я когда-то начинал как актер. А потом занялся режиссурой, про все уж забыл. Он меня ввел на роль Фунта в "Золотом теленке", а потом дальше... И вы знаете, он

открыл во мне актера. Я работаю с наслаждением, как будто на втором дыхании, и чувствую, что могу, что получается, что нужен, а не просто певиссионера пожалели". Да, получалось, Семен Михайлович, замечательно получалось, и каюсь, все ждала, чтобы поднакопились роли, хотела портрет написать. Какой он роскошный был Пангос в "Кандиде"! Еврейская его грусть и дубленная шкура, что ли, подсказали ему эти восхитительно легкие и горькие интонации лукавого французского философа? Репризный оказался актер, умеющий блистательно сыграть эпизод, небольшой рольке придать шарм и значительность. Да вот, написать не довелось. И удостоверение "заслуженного артиста", о котором так мечтал, получили тогда, когда он уже умирал. Прямо к гробу и гриме.

Афиша театра расцвела роскошными именами. "Привидения" Ибсена, "Буровый остров" Булгакова, "Светлана" Жуков-

ского. Ильф и Петров, Зощенко, Островский, Пиранделло, Чехов, Шекспир. В труппе были друзья, понимавшие с полуслова, — Борис Пlossков, работавший в театре с 1969 года до своей смерти в 1993 году. Артист, умевший быть смешным и найвым, что особенно ценит Скоморохов. Выросли свои любимчики — Александр Баткалов и Сергей Лабирин, который театр потерял после гастролей в Петербурге в 1990 году. Но до сих пор целое поколение пермяков считает, что лучший Гаврош на свете — это Лабирин, что Бендера лучше всех знаменитостей сыграл Баткалов, а Шуру Балаганова — Валерий Серегин, пермский Делардьё, как его называют за убийственное, чуть пародийное сходство с любимым французом.

Происходило все эти изменения не просто. Нужно было преодолевать "тюзятину", которая лезла из всех щелей. Произошло это в "Привидениях". Там были построены и сложная любовная

Здрав и мира